

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

ФЕЛЬДМАРШАЛ П.П. ЛАССИ – ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ В 1741–1743 ГОДАХ

Войну России со Швецией 1741–1743 гг. можно назвать забытой и малоизученной, поскольку до сих пор не существует ее полного, основанного на документах описания. Мы постараемся заполнить один из пробелов в знаниях об этой войне, составив описание последовательности и характера действий главнокомандующего русской армией в этот период фельдмаршала Ласси.

Неизбежность войны со Швецией стала очевидна российскому правительству в самом начале 1741 г. После того как в марте этого года фельдмаршал Миних впал в немилость и был удален от двора, наиболее очевидной кандидатурой для «начальствования над армиями» стал другой фельдмаршал – Петр Петрович Ласси. Министр иностранных дел Франции Амело в начале апреля справлялся о нем у Шетарди, поскольку в Париже о Ласси «толкуют весьма различно; я видел лиц, которые доверились бы ему скорее, нежели гр. Миниху; другие же говорят, что он до такой степени предается страсти к вину, что половину суток не владеет умственными способностями»¹. Шетарди отвечал, «что он вовсе не предается вину, что это человек трезвый и благоразумный, что он пользуется доверием войск гораздо более, нежели его предшественник, но не обладает вовсе счастьем последнего; однако он достаточно дряхл, так что с трудом будет переносить тяготы военной кампании»².

Решение поручить главную команду над будущей действующей армией генерал-фельдмаршалу графу Ласси, а под ним – генералу Кейту действительно было вскоре принято на чрезвычайном заседании Кабинета министров с участием генералиссимуса герцога Липтона Ульриха и 10 апреля утверждено правительницей³. В конце

апреля обоих командующих вызвали в Петербург. Граф Петр Петрович Ласси (по рождению ирландец Peter Lacy), 63-х лет от роду, служивший в Российской армии с 1700 г., в чине фельдмаршала с февраля 1736 г., имел достаточно опыта для этой должности. В 1733–1739 гг. он постоянно командовал большими корпусами или отдельными армиями, а, будучи к тому же генерал-губернатором Лифляндии, заботился о содержании регулярных полков и в мирное время.

8 мая⁴ «Ведомости» в Санкт-Петербурге сообщили, что «Его Высокографское Сиятельство господин генерал фельдмаршал и кавалер рейхсграф фон Лессий со всею своей сиятельной фамилией, третьего дня из Риги благополучно сюда прибыл». Утром 23 мая (3 июня) в доме у Ласси состоялся военный совет с участием принца Гессен-Гомбургского, генерала Кейта и нескольких других генералов. Шетарди, видевший Ласси в тот же день за обедом у обер-гофмаршала гр. Левенвольде, нашел фельдмаршала «помолодевшим и пополневшим»⁵.

Насколько хорошо Ласси, проведя год вдали от столицы, знал положение дел и, соответственно, мог составить собственный план, сказать сложно, но в итоге было решено сформировать для текущей кампании три корпуса войск. Самый крупный должен был собраться в Финляндии под начальством фельдмаршала и генерала Кейта и действовать наступательно против Швеции сразу по объявлении войны. Второй, с центром в Красной горке, прикрывал Петербург, а третий – Лифляндию и Эстляндию от возможных шведских десантов. Вскоре начали прибывать назначенные в Финляндский корпус полки, и Ласси ездил их инспектировать как на марше при переправе через Певу, так и в лагерь возле Осиповой Роши. Шетарди сообщал, что один из виденных им полков выглядел весьма плохо, и его «уверили, что некоторые еще в гораздо худшем состоянии, и почти все прочие не в лучшем», фельдмаршал же не верил этому до тех пор, пока не увидел своими глазами⁶. 13 июля войска из Осиповой Роши под командованием Кейта выступили к Выборгу, а графу Ласси вскоре затем было велено присутствовать в военной коллегии⁷. После получения известий об объявлении Швецией войны, ему, как главнокомандующему действующей армией и генерал-губернатору Лифляндии, было поручено Кабинетом министров пресечение шпионской деятельности в пользу неприятеля и организация противодействия внезапным нападениям⁸.

4 августа фельдмаршал Ласси отдал приказ по армии об объявлении войны. Шведы оказались к ней не готовыми, и российский главнокомандующий отправился к армии только 16 августа. 18 (29) августа он прибыл в Выборг и совещался с командующим корпусом генералом Кейтом. На следующий день граф осмотрел крепость с ее артиллерией и запасами. Тогда же ему были представлены весьма точные сведения о силе и расположении войск противника и его ближайших намерениях, полученные от осведомителей и шведских перебежчиков. Видимо, в этот день он и составил план предстоящей кампании.

В распоряжении гр. Ласси находилась армия примерно в 28 000 чел. «сражающихся». Две шведские армии в Финляндии насчитывали около 11 000 чел. и должны были через несколько дней сосредоточиться у пограничной крепости Вильманстранд (Лаппеэнранта). Ожидались и новые войска из Швеции. Театр военных действий в Финляндии таков, что предоставляет множество удобств обороняющимся и множество трудностей наступающим. Возможности маневра сильно ограничены, а подвоза продовольствия затруднены. Решение же стремительно атаковать не ожидающего этого неприятеля и разбить его по частям было вполне в характере Ласси.

Общий ход событий до, во время и после сражения под Вильманстрандом 23 августа (3 сентября) описан достаточно полно, детали же, особенно численность войск и их потери, до сих пор не ясны. Поэтому мы ограничимся описанием действий фельдмаршала, взятым преимущественно из его «Обстоятельной реляции»⁹:

«Потом я на другой день, т. е. 20-го числа, из Выборга поднялся, и учиня наперед тамо все потребныя распоряжения, и определя генерала-маэора Шинова обер-комендантом, к стоящему в Каппанное корпусу поехал, и тотчас по прибытии моем, еже около полудни было, весь тамо обретающийся генералитет, на военный совет в присутствии моем держашой, созвать велел, в котором положено с частию сего корпуса к помянутой крепости Вильманстранду немедленно маршировать, и оною стоящий иногда к прикрытию неприятельской корпус атаковать; для лучшего же облегчения никакого багажу, и токмо на пять дней провианту с собою взять, и когда потому потребныя распоряжения учинены, то сей отделенной корпус 21-го числа, рано поутру, выступил...»

Первой же ночью произошел весьма примечательный случай, подробно описанный Манштейном¹⁰: «С наступлением ночи войско рас-

положилось в три линии вдоль большой дороги: драгуны возле самого леса с одной стороны дороги, а пехота в две линии сзади их, оставив промежуток не более как шагов в тридцать или сорок. Войска улеглись возле своего оружия. В одиннадцать часов вечера случилась большая тревога... Один из часовых поставленного в лесу караула, заметив [шведских лазутчиков], выстрелил. Едва раздался выстрел, как несколько полков второй линии поднялись вдруг, схватили оружие и, как бы сговорившись, начали жаркую стрельбу, направленную на первую линию, причем в продолжение получаса не было возможности остановить их; при этом было сделано даже несколько пушечных выстрелов, вследствие чего у полков, стоявших напротив, были убиты и ранены один офицер и семнадцать солдат. Ласси и Кейт подверглись сильной опасности быть убитыми при этой фальшивой тревоге; они разбили маленькие палатки, чтобы спать между обоими линиями, и несколько пуль пробили эти палатки насквозь». Мало вероятно, что подобной панике могли поддаваться хорошо обученные и обстрелянные солдаты. А вторая линия, судя по построению в бою, «была из командированных от Новгородского, Великолуцкого, Певского, Абшеронского и Ростовского пехотных полков совокуплена», что обычно не принимается во внимание.

На следующий день корпус перешел мелкую и топкую речку на восстановленном мосту, возле которого Ласси оставил караульный отряд и «для зело трудной дороги, самую тяжелую артиллерию и аммуницию оставить запотребно признал». Около 4-х часов дня корпус подошел к лежащей близ Вильманстранда деревне Армилла и стал разбивать лагерь. Далее Ласси сообщает: «Как скоро лагерь учрежден был, то я с генералом Кейтом, в провождении одной гранодерской роты к той крепости верхом ездил, и оставя помянутый конвой внизу имеющейся перед городом горы, осматривал я оную так близко, что неприятель из пистолета и другога мелкаго ружья по мне стрелял. Как я потом, осмотра все той крепости околичныя положения назад в лагерь поехал, то вскоре после того репартовано, что не токмо войска у города в строю стоявшие, но и другие туда шедшие видимы были. Почем я велел кавалерии и большей части пехоты на гору всходить и против неприятеля некоторое движение чинить, которое подлинно к бою случай подалоб, ежели бы наступившая ночь, и те буераки, кои нас и неприятеля разделяли, в том не препятствовали. Как таким образом темно стало, то наши наки в свой лагерь вступили.

На другой день поутру, видим был неприятельской корпус под пушками города стоявший, по чем я генералитет и полковников ко мне созвал, и по кратком совете с первыми, приказал всем около 2-х часов по полудни к бою в готовности быть».

Подробности такого затягивания начала наступления находим опять у Маништейна: «Фельдмаршал не имел еще точных сведений о силе неприятеля; он думал, что оба корпуса Будденброка и Врангеля соединились, чтобы идти на помощь Вильманстранду. Поэтому он рассудил, что трудно будет напасть на них и победить их на той выгодной позиции, которую они заняли... когда узнали, что прибыл один только корпус генерал-майора Врангеля и что он мог состоять из 5 или 6 тысяч человек, включая сюда и гарнизон города, тогда фельдмаршал велел созвать всех генералов и полковников, объяснил им положение дела и спросил их мнение. Все голоса единодушно требовали наступления»¹¹.

Свои действия во время сражения Ласси описал следующим образом: «Потом я для весьма неравного и к проходу неудобного, також лесом прикрытого, положения места, кое мы для себя имели, весь корпус, которым генерал Кейт, под моею дирекциею, командовал, в две линии разделил... и три взятые с собою шести-фунтовые пушки, между обоими линиями поставлены были. В таком порядке пошел корпус, оставя полковника Шереметева в лагере, для прикрытия онаго с несколькими стами человек, около 2-х часов по полудни, против неприятеля... Весьма трудное положение места и лес, чрез которой прикрывающая крылья кавалерия пробраться не могла, побудила меня, по отшествии около одной версты, оной приказать от крыльев отступя на левую руку к лесу идти...

Первая линия, которая прямо на помянутую гору пошла, схватилась потом сперва с неприятельским левым крылом; как сие учинилось, то приказал я нашей второй линии такожде приступить, и к первой, сколько положение того места допустило, так примкнуться, что оная вторая линия таким образом уже левое крыло всего корпуса сочиняла.

Как скоро неприятели оное усмотрели, то командировали они свое правое крыло с верху горы в низ против сих войск, которые и от них с превеликою и такою свирепостию атакованы были, что оные наши войска в начале некоторым образом назад отступить припуждены находились; но как я стоявшей на стороне копнице

наступить и в неприятельский фланг идти велел, то нападение онаго вскоре удержано».

После отступления шведов в крепость Ласси «туда же пошел, и у города чрез барабанщика здачи требовать велел, таким образом, что ежели оной того часу здастся, то пристойную капитуляцию получит, а в противном случае никому пощады не будет». Но в крепости, вследствие тяжелого ранения командующего войсками генерала Врангеля, царил неразбериха: был вывешен белый флаг и продолжалась стрельба, наш барабанщик был убит и начался ожесточенный штурм. Когда сражение внутри стен стало превращаться в резню, фельдмаршал поспешил в город и приказал падать жизнь тех, которые там находятся¹². Во время сражения Ласси был легко ранен пулей то ли в затылок, то ли в плечо.

Среди пленных шведов был командующий армией генерал барон Карл Генрих Врангель. Исследователи ранее не обращали внимания на тот факт, что он был родственником графа Ласси со стороны жены последнего. Последующие действия Ласси наводят на мысль, что они были прежде знакомы: когда генерала смогли доставить в Петербург, он поместил его у себя, приставил своего хирурга и в дальнейшем принимал участие в его судьбе. Тем более что более близкого родственника своей жены, второго коменданта крепости Функа, фельдмаршал таким вниманием не удостоил. Подобное знакомство могло влиять на принятие решений как одним, так и вторым, к тому же Врангель, по слухам, рассказывал, что, занимая столь выгодную позицию, он никак не ожидал, что фельдмаршал решится его атаковать¹³.

На следующий после сражения день всех раненых и пленных отослали в Выборг, Вильманстранд был скрыт, после чего армия снова заняла свой основной лагерь. 29 августа Ласси был уже в Выборге и угощал обедом находящийся там генералитет, штаб и обер-офицеров по случаю высокого тезоименитства Его Императорского Величества¹⁴. Накануне же Военной коллегии был дан именной указ о награждении войск за победу над шведами: генерал-фельдмаршалу графу фон-Ласси, «за его многовременныя и особливо при нынешнем случае оказанныя ревностныя службы» — 20 000 руб.; четырем генералам ордена, всем остальным — деньги. И то и другое было отослано к фельдмаршалу для раздачи¹⁵. Для Ласси эта награда оказалась не единственной. Через месяц, накануне его дня рождения 29 сентября, Великая княгиня подарила фельдмаршалу 30 га-

ков земли по своему выбору в Лифляндии, которые оценивались в 200 000 ливров, или 10 000 фунтов.

Определенную критику вызывает решение Ласси отказаться от немедленного нападения на армию Будденброка, от похода на Фридрихсгам и вообще завершить военные действия. Но поход на Врангеля был изначально рассчитан на пять дшей, и армия не могла не вернуться в базовый лагерь, прочие же трудности продолжения кампании четко изложены Бородкиным по журналу ген. Кейта¹⁶. К тому же разгром шведской армии имел большое пропагандистское значение, а любая незначительная неудача могла серьезно все испортить. О том, что решение отказаться от наступательных действий принималось на самом верху, свидетельствует участие Ласси вечером 2 (13) сентября на общем собрании кабинета у графа Остермана, где находился генералиссимус, кабинет-министры и даже некоторые сенаторы. На следующий день он был у правительницы, «которая удостоила его поцелуя и сказала, что сама глубоко чувствует, какие великие и важные услуги он оказал Российской короне», и не замедлил вновь уехать к финляндской границе¹⁷.

В заседании Кабинета министров 10 сентября с участием генералиссимуса Антона Ульриха, фельдмаршала Ласси, генерал-прокурора кн. Н. Трубецкого и генерала Игнатьева «о дальнейших против неприятеля принимаемых мерах» речь шла уже только об обороне. Через несколько дней в Кабинете обсуждался проект «о комплектовании и о содержании, для нынешнего военного времени, войск близ границ, також и о пропитании их». Как оказалось, действовавшая армия была недостаточно сильна и неудовлетворительно организована. В некоторых полках «находились весьма молодые, повидимому, только от 12 и 13 лет люди, которые не только ружьем владеть и лошадей смотреть, но и на лошадь садиться не могут, отчего и многое число осадненных и в службу недееспособных лошадей имеется; а такие молодые ребята во время дела с неприятелем не токмо какой службы показать, но еще к конфузии и к другим несходствам повод подать могут». Офицеры-командиры также не отличались качествами, необходимыми для военного человека. По отзыву фельдмаршала, как в драгунских, так и пехотных полках некоторые штаб- и обер-офицеры — «слабые и больные, из которых к службе плода весьма мало; а по нынешнему случаю, — добавлял Ласси, — надлежит, чтоб в полках добрые и здоровые офицеры находились». Чтобы добиться от Военной коллегии своевре-

менных поставок фуража в корпус Кейта, Ласси приходилось обращаться за подтверждением в Кабинет. По результатам совещаний были изданы манифесты о наборе рекрут, о сборе драгунских лошадей; издан указ о замещении неспособных офицеров «годными к службе», и др.¹⁸

Заботы об интересах армии сочетались у Ласси с заботой об интересах государства. Из поданного им 19 сентября в правительствующий сенат доношения было «усмотрено, что имеющиеся в армии при Выборгском корпусе маркитентеры большою частью вином торгуют, а от камер-конторы казенного вина туда отправления не было, из чего видно, что там продается вино не казенное, но партикулярное, и от такой партикулярного вина продажи в казенном сборе недобор несомненно последовать может» и решено в Выборгском и Красногорском корпусах «в надлежащих по сношении с помянутым ген.-фельдмаршалом, местах учинить стойки и для продажи с удовольствием казенного вина отправить с потребным числом целовальщиков, избрав к тому оной конторе верных и достойных людей немедленно, а маркитентеров к продаже при оной армии вина, кроме помянутых казенных стоек, отнюдь не допускать»¹⁹. Не забывал граф и об интересах собственной семьи — среди назначенных осенью в действующую армию «годных к службе» офицеров оказались его сын генерал-майор Георгий Ласси и зятья генерал-майор Юрий Броун и полковник Павел Стюарт.

Уже в самом начале октября, «в видах упорядочения действовавшей армии и вообще боевых сил, главнокомандующим генерал-фельдмаршалом графом Ласси был составлен и подан на имя императора проект «о воинских предприятиях и приуготовлениях против шведов в будущую кампанию». По обсуждению Кабинетом и апробации правительницею, 8-го октября, проект этот для исполнения был направлен в Сенат». Для будущей кампании фельдмаршал хотел собрать в финляндский корпус «до 50 000 человек регулярных войск и к тому нерегулярным — донским казакам, гусарскому корпусу и чугуевским казакам и калмыкам; водою на кораблях и галерах сухопутных же, сверх вышесказанных, до 10 000 человек»²⁰. 8 ноября армия была распущена на зимние квартиры, большинство полков отправлены в соседние губернии.

25 ноября произошел государственный переворот, в значительной мере направленный против иностранного правления в России. Однако Ласси не только не был арестован, но и не лишился своих

должностей и полномочий. Традиционно это объясняют всего лишь удачным ответом пришедшего к нему ночью офицера Елизаветы, но письма Шетарди рисуют более полную картину. Вместе с другими заговорщиками он обсуждал необходимость арестовать всех приверженцев чужеземного правительства и перечислил их. «Касательно Ласси меня оспаривали по уважению, которого он заслуживает, чтобы имели к нему, и по любви к нему войск, слишком опасной. Было решено следовать середине: как только удар будет нанесен, принцесса пошлет к нему кого-нибудь с приглашением явиться и повиноваться ей. Если он это исполнит охотно, то остановиться на этом; в случае же малейшего колебания, лицо, которое будет послано к нему, должно его арестовать при помощи гренадер. Последние сопровождают тайно посланного на случай надобности в них». В ночь переворота были совершены указанные аресты. «Так как фельдмаршал Ласси был один из первых предуведомлен и так как, он выказал чистосердечную преданность, не дававшую повода сомневаться в готовности, с которою всегда служил он крови Петром I, то с прибытием во дворец для него открылась деятельность: он исполнял обязанности главнокомандующего, и вследствие его приказаний скоро собрались семь полков, стоявших здесь в гарнизоне»²¹.

Граф Ласси вошел в число 11 персон, составивших высшее государственное управление в первые недели царствования императрицы Елизаветы Петровны и продолжил заниматься устройством армии²². Несмотря на предложенное Елизаветой 27 ноября перемирие со шведами, во время которого начались переговоры о мире, уже 30 ноября главнокомандующий представил императрице доклады о подготовке к будущей кампании, а 1 декабря по его предложению при высочайшем дворе состоялось министерское и генералитетское собрание, на котором общим мнением было положено вернуться к Воинскому штату Петра Великого²³. Перед самым новым годом фельдмаршал Ласси серьезно заболел, одно время даже опасались за его жизнь, но к 23 января (3 февраля) он оправился настолько, что смог выехать из дома²⁴.

Переговоры о мире не давали результата, и 5–6 февраля 1742 г. в сенате состоялось собрание генералов, министров и ряда других лиц для рассуждения о военных действиях. Помимо выяснения текущего состояния дел были заслушаны предложения Ласси по плану будущей кампании и росписи генералов по корпусам. По его мнению, войска, назначенные в Финляндию, следовало разделить

на 3 корпуса, из которых большему следовать к Фридрихсгаму и атаковать его, другому, числом меньше первого, идти к Тавастгусту, а третьему, «в числе нескольких из регулярных и нерегулярных», – к Пейплоту, «и дальнейшие операции предвоспринимать сиюк Всемогущий бог помощи подаст». По итогам обсуждения собрание решило «против неприятеля действовать наступательно и как возможно ранее, чтоб оному времени не дать с большею силою собраться, и для того войска, назначенные к корпусу выборгскому собрать к границе и оный усилить, и провиант туда завозить, и всем потребным снабдить стараться; а произведение воинских действий, в котором месте и каким образом начинать и продолжать, то все положить на ген.-фельдмаршала, которому, смотря по конъюнктурам и неприятельским обращениям, по общему с генералитетом рассуждению, как удобнее быть может, в том поступать»²⁵.

26 февраля двор отправился в Москву на коронацию, а 28 русские прервали перемирие. Фельдмаршал Ласси был единственным высокопоставленным лицом, оставшимся в Петербурге. Он «желал уже и зимою учинить поиск на Фридрихсгам по льду от Нарвы, но наставшая пред выступлением назначенных в сию экспедицию войск оттепель тому воспрепятствовала»²⁶.

Назначенным в поход войскам Ласси приказал собраться у Выборга к концу апреля, ненадолго съездил в Ригу и в конце марта вернулся в Петербург. В это же время он получил от императрицы именной указ о принципах ведения мирных переговоров с Левенгауптом и полномочия на заключение мира на основании Пейштадтского трактата²⁷, и манифест к финнам. Манифест этот ему следовало перевести на шведский и финский языки и тайно напечатать при Академии наук, а затем распространить в Финляндии между обывателями и в шведской армии. «Вы сами наилучше знаете, каким образом в том поступить и какие в том способы употреблять и для того произведения того дела вашему попечению рекомендуем, а ежели сей манифест желаемое действо возымеет и финляндцы на учиненное им предложение поступаю к Вам с какими требованиями отзовутся, то вы по обстоятельствам дела и по усмотрению истинного им в том намерения всякое потребное защищение и вспомоществование во всем, ежели к наилучшему получению нашего при том намерения служить может им показывать», – писала фельдмаршалу Елизавета в сопроводительном письме²⁸. Действительность не позволила главнокомандующему осуществить намеченный план кампании с

самого начала: «Дурная погода и холод продолжались до половины мая, и кавалерия не могла выступить до конца этого месяца по недостатку травы. Русская армия собралась под Выборгом в конце мая, фельдмаршал Ласси отпраздновал там и сделал смотр войскам»²⁹. Ласси прибыл в Выборг 20 мая и устроил там свою квартиру. Количество войск также не соответствовало ожидавшимся 70 000: к началу июня 1742 г. по рапорту генерал-фельдмаршала Ласси против врага по сухим путям «имело следовать 25 704 чел., хотя в войсках и на галерах по спискам числилось 32 733 чел., да кроме того нерегулярных 4357, т. е. всего 37 090 чел.»³⁰.

Кампания 1742 г. оказалась бедна на события. «18 июня фельдмаршал Ласси двинулся в поход с армией, направляясь вдоль морского берега, чтобы иметь свободное сообщение с галерами, которые везли большую часть продовольствия для армии»³¹. Выйдя из лагеря 7-го, армия с обозами переняла границу только 13 июня, что в сравнении со скоростью движения отдельного корпуса Ласси годом ранее показывает действительную сложность действия в Финляндии больших войсковых соединений в то время. Поэтому, узнав о сосредоточении шведов у укрепленной позиции в Мендолаксе, фельдмаршал приказывает оставить тяжелый обоз и двигаться быстрее. Придя на место, он сам вместе с генералами осматривает окоп, который все находят очень сильным, но Ласси все равно решает атаковать. Это очень похоже на его действия в прошлую кампанию, но сражения не произошло, так как шведский отряд оставил позицию и ушел к Фридрихсгаму. Так начал складываться новый характер военных действий, при котором когда русские подходили к сильной шведской оборонительной позиции, те ее оставляли и отступали к следующей.

Граф Ласси не сразу освоился с новой шведской тактикой. Когда загорелся Фридрихсгам (Хамина), к длительной осаде которого уже были сделаны первые приготовления, он не поверил докладу, что город оставлен: «рассмеялся и почел сие за невозможное»³². Даже получив подтверждение от гусар, Ласси пожелал убедиться в случившемся лично: «Взяв я драгунские полки, и конные и пешие гренадерские роты, немедленно туда к крепости следовал и, прибыв ко оной, нашел, что пушки на батареях в своих местах оставлены, в которых состоят медные и чугунные больших и малых довольно число, в крепость же за великим воспалением огня, и что рвет бомбы и пороховые погреба, войти опасно»³³.

1/12 июня русские подошли к р. Кюмени, где шведы сожгли мост, расставили пушки по высотам противоположного берега и препятствовали огнем попыткам устроить лагерь на берегу и организовать переправу. Ласси был вынужден отвести войско в лес и до вечера ждать артиллерию. Постройка мостов, сопровождаемая непрерывной артиллерийской перестрелкой, продолжалась весь следующий день, но когда работа близилась к концу, шведы отступили. На следующий день, когда большая часть армии была уже на другом берегу Кюмени, из Москвы прибыл курьер и доставил Ласси высочайшее указание о том, как действовать, если шведы укрепятся на реке. «Не лучше ли, – говорилось в Высочайшем рескрипте, – не перебираясь через реку, у устья «сделать крепость» для пресечения коммуникации с морем. Этой мерой имелось в виду причинить более страха неприятелю и тем скорее склонить его к миру, а также избавить наши войска от трудностей дальнейшего похода». «Фельдмаршал созвал тотчас же всех генералов и держал военный совет на берегу самой реки. Все русские генералы были того мнения, чтобы перейти реку обратно и в точности исполнить повеление двора. Но ипоземцы доказывали, что двор никогда не дал бы подобного приказания, если бы он мог вообразить, что неприятели очистят так легко эту позицию; по их мнению, так как войско перешло уже реку, следовало воспользоваться преимуществом, которое они уже приобрели над шведами, и оттеснить их, если возможно, до Гельсингфорса, взять этот город и окончить на этом поход»³⁴.

Это был переломный момент не только кампании, но и войны в целом, и зависело все от решения одного человека. А графу Ласси не впервой было по своему усмотрению решать выполнять или нет указания правительства, узнававшего о событиях на военном театре спустя дни и недели. Мнение военного совета также не являлось для фельдмаршала решающим – Манштейн описывает случай на Арабатской косе, когда он отправил обратно всех генералов, поскольку они считали необходимым повернуть армию. И Ласси решил наступать.

Спокойный характер кампании явно не устраивал главнокомандующего, его натура требовала действия. Уже на следующий день, 4 июля, он, не дожидаясь посланной в поиск партии, «взяв лейб-гвардии гренадер и мушкетер с генерал-майором Черисцовым», следует к другому рукаву Кюмени. Мост сожжен, но есть надежда застать противника в лагере, и войска начинают переправу, сам Ласси

переплывает реку в лодке³⁵. Он всегда сам осматривает позиции неприятеля с минимально безопасного расстояния, изучает пути следования армии, часто следует с несколькими полками впереди основной части армии, которой командует генерал Кейт. Передовой отряд Ласси обычно движется налегке «для поспешения за убегающим неприятелем, чтоб, догнав одного, принудить с нами вступить в акцию». 8 августа «через одного мужика разведав о лежащей в сторону к кирке Гельсинг дороге (по которой бы можно неприятеля с левого флангу в тыл захватить), генерал-фельдмаршал, взяв с собой генералов Кейта и графа Левендаля с гусарами и казаками и двумя конными гренадерскими ротами, для рекогносцирования неприятельского лагеря следовал до упомянутой кирки Гельсинг», и сам командовал атакой на шведский форпост³⁶.

Главным стратегическим достижением кампании 1742 г. считается обходной маневр под Гельсингфорсом, благодаря которому Ласси блокировал шведскую армию с суши. Кроме рассказанной Манштейном легенды о крестьянине, показавшем фельдмаршалу проложенную Петром I лесную дорогу, есть указания об обнаружении этой дороги атаманом Краснощекловым³⁷. Представляется, что обнаружение дороги не было счастливым случаем, поскольку, с одной стороны, Ласси всегда искал возможность обойти сильные неприятельские позиции с флангов. А с другой стороны он с августа 1720 по май 1721 г. находился в Гельсингфорсе в качестве старшего генерала и имел достаточно времени, чтобы изучить окрестности.

Условия «спешительной капитуляции» шведской армии, заключенной 24 августа были, по всей видимости, сочинены самим российским главнокомандующим, который исходил из сложившейся как военной, так и политической ситуации. К тому же в характере Ласси было избегать ненужного кровопролития, ведущего к взаимному ожесточению. Косвенно это подтверждает и реакция генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого, вшившего фельдмаршала, «несмотря на новые его заслуги, в том, что от старости он уже не знает, что делает: непросительно что он дал уйти домой хотя одному шведу и согласился на капитуляцию»³⁸.

До конца октября фельдмаршал Ласси оставался в Гельсингфорсе, занимаясь установлением контроля над всей территорией Финляндии и устройством войск на зимние квартиры. Лучшей оценкой той значительной административной работы, которую он за год провел по обустройству русской армии, служат впечатления шведов, срав-

нивавших ее лагерь со своим после капитуляции: «Расположение лагеря русских, — пишет граф Хорд, — чрезвычайно удивило шведов, так велик был контраст между ними. Войска и лошади русских находились в наилучшем состоянии; жизненных припасов было в изобилии; даже лавки имелись вокруг главной квартиры, в этой почти опустошенной стране; все это привлекло наше внимание и смущало нас»³⁹. В сентябре гр. Ласси представил в сенат проект об устройстве администрации в завоеванном крае, которая до этого осуществлялась военными. «Высших должностных лиц он желал получить из Петербурга, а на низшие должности — назначать из местных жителей. Правительствующий Сенат одобрил такое предложение, и в силу его состоялось назначение генерал-майора фон Кампенгаузена генерал-губернатором Финляндии, Аланда и Эстерботнии. Низшие места, по указу императрицы, замещались финнами»⁴⁰.

Устроив все необходимые дела, фельдмаршал Ласси отправил в Москву прошение «о том, что чувствует себя по старости лет и упадку сил неспособным к дальнейшему командованию армией, просит об увольнении его на покой и о дозволении провести остаток дней в своих поместьях в Лифляндии»⁴¹, и через Ревель уехал к себе в Ригу. Хотя сам граф наград за кампанию не получил, его сын в январе 1743 г. стал кавалером ордена св. Александра Невского, а зять полковник Стюарт, привезший ко двору весть о капитуляции, был произведен в генерал-майоры и «получил от Царицы и герцога голштинского значительные подарки деньгами и драгоценностями»⁴². Оба были в главной армии.

Война, однако, закончена не была, а переговоры о мире не приводили к желательному для России результату. Понимая, что для заключения мира необходимо готовиться к войне, Сенат 5 (16) февраля 1743 г. принял постановление, главной идеей которого было: «главное действо в кампании 1743 г. против миролюбивого неприятеля шведа надлежит по большей части и почти все флотом производить»⁴³. В тот же день было послано за фельдмаршалом Ласси «дабы выслушать его советы касательно операций следующей кампании, а так как он, вероятно, откажется от начальства над армией в виду преклонного возраста и немощей своих, полагают, что армия поручена будет генералу Кейту»⁴⁴.

Ласси вскоре прибыл, и 11–13 февраля «в доме старика-фельдмаршала князя Долгорукого происходило совещание о плане предстоящей кампании на случай, если бы переговоры в Або оказались

безуспешными»⁴⁵. Бывшие на совещании генералитет и министры предложили графу «учинить расписание в наступающую кампанию, которым полкам при армии и на галерах быть надлежит» и, после внесения некоторых дополнений, утвердили⁴⁶.

Насколько можно судить, фельдмаршал Ласси являлся в тот момент наиболее компетентным военным специалистом своего уровня, поэтому он продолжил руководить процессом подготовки и сбора войск к предстоящей кампании. А к середине апреля Императрица (события последующих лет показывают, что она очень ценила знания графа) уговорил его вновь возглавить армию. На «генералитетском консилиуме» 18 апреля было составлено окончательное расписание полков и генералов по галерам, где в кордебаталии значился «его сиятельство генерал-фельдмаршал и кавалер рейкс-граф Лессий»⁴⁷.

Кампания 1743 г. носила прежде всего демонстрационный характер и была призвана подкрепить позицию российских министров на переговорах в Або. В результате ни армия, ни ее главнокомандующий не имели случая как-то по особенному себя проявить. А наиболее ярким событием стало торжественное, затянувшееся на несколько дней отплытие галерного флота из Петербурга. 6 июня в приложении к «Ведомостям» было опубликовано подробное его описание⁴⁸: «3-го числа того же мая, означенныя галеры и кончбасы пристойным порядком к походу по Певе реке поставлены были пред зимним Ея Императорскаго Величества домом, а в середине оных стояла галера с поставленными на оной флаги и вымпелами, его сиятельства генерала-фельдмаршала и кавалера рейкс-графа фон-Лессия, яко всем сим галерным флотом назначенного шефа, а определенных по высочайшему Ея Императорского Величества соизволению в сию ж кампанию господ генералитета галеры поставлены были такожде по тракту.

И когда того 3-го числа все назначенные к сему походу господа генералитет на галерах убралась, тогда по полудни Ея Императорское Величество всемилостивейшая Государыня высочайшею своею особю соизволила прибыть в адмиралтейство, а из онога на галеру генерала-фельдмаршала графа Лессия, причем Ея Императорское Величество, в знак начинания сего дела, во упование помощи всещедрого Бога, животворящий крест Спасителя нашего с наполненными во оном ризою его же Спасителя нашего и многих святых мощми, отдать соизволила, и в каюте сея галеры отправлено молебное пение, по окончании котораго производилась со всех галер пушечная пальба.

И Ея Императорское Величество во первых господина генерала-фельдмаршала, как всем сим генеральным флотом главную команду имеющего, рейкс-графа фон-Лессия, а потом весь назначенный к сему походу генералитет, также штаб и обер-офицеров к руке допустить, а его господина генерала-фельдмаршала, в знак высокомонаршей своей Императорской милости, бриллиантовым великой цены перстнем всемилостивейше пожаловать соизволила...»

18 июня, когда Ласси с галерным флотом стоял у Аландских островов, размышляя, стоит ли плыть в Швецию без прикрытия корабельной эскадры, пришло сообщение о заключении перемирия. Но в обратный путь флот отправился только 12 августа, хотя некоторые полки и нерегулярная конница были отправлены по домам раньше. В этот период у фельдмаршала стало одной заботой больше – приходилось решать, сколько и как вывозить из оставляемых финских крепостей артиллерии с припасами и прочего годного военного имущества. 23 августа Ласси с галерами прибыл к Березовым островам и несколько дней стоял в ожидании дальнейших распоряжений. Указ флоту следовать в Санкт-Петербург вместе с присланной для командующего яхтой был получен 31 августа, и 1 сентября Ласси прибыл в столицу⁴⁹.

Так закончился последний военный поход фельдмаршала Петра Петровича Ласси. При праздновании мира в Москве 25 июля 1744 г. он был награжден орденом с бриллиантами, табакеркой и увеличением содержания на 3000 р. в год.

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 92. 1894. С. 500.

² Там же. Т. 96. 1896. С. 12–13.

³ Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. Кн. II. М., 1886. С. 59.

⁴ Даты даны по старому стилю, но для удобства соотнесения с новым местами поставлены двойные.

⁵ Сб. РИО. Т. 91. 1894. С. 86; Т. 96. 1896. С. 41.

⁶ Там же. Т. 96. 1896. С. 230.

⁷ Сенатский архив. Т. 6. 1891. С. 225.

⁸ Внутренний быт... С. 60.

⁹ Шнилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией, в Финляндии, в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859. С. 68–76.

¹⁰ Манштейн. Записки о России. Часть 2. Глава IV. 1741 г. (Поскольку «Записки» имеют уже несколько переизданий и публикаций в Интернете, для упрощения поиска мы будем указывать только соответствующую главу.)

- ¹¹ Там же.
- ¹² Бородин М. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 61.
- ¹³ Сб. РИО. Т. 91. 1894. С. 256–258, 262, 289–290; Т. 96. 1896. С. 486.
- ¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1741, 8 сентября.
- ¹⁵ Внутренний быт... С. 30, 32.
- ¹⁶ Бородин М. Указ. соч. С. 63–64.
- ¹⁷ Сб. РИО. Т. 91. 1894. С. 266; Т. 96. 1896. С. 399–400.
- ¹⁸ Внутренний быт... С. 61–62.
- ¹⁹ Сенатский архив. Т. 6. 1891. С. 702.
- ²⁰ Внутренний быт... С. 177.
- ²¹ Пекарский П. Маркиз Де-ла-Шетарди в России 1740–1742 гг. СПб., 1868. С. 418, 408.
- ²² Сенатский архив. Т. 5. 1892. С. 301.
- ²³ Там же. С. 303, 307; Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 4. СПб., 1909. С. 1.
- ²⁴ Сб. РИО. Т. 91. 1894. С. 395, 401, 429.
- ²⁵ Сенатский архив. Т. 5. 1892. С. 326–329.
- ²⁶ Завалишин И.И. О русско-шведской войне 1741–1743 гг. // Российский архив. Т. VI. М., 1995. С. 66.
- ²⁷ Архив князя Воронцова. Т. 1. С. 282, 295–296, 301.
- ²⁸ Бородин М. Указ. соч. С. 168–169.
- ²⁹ Манштейн. Глава VII. 1742 г.
- ³⁰ Бородин М. Указ. соч. С. 95.
- ³¹ Манштейн. Глава VII. 1742 г.
- ³² Бородин М. Указ. соч. С. 116.
- ³³ Шилевская Н. Указ. соч. С. 148.
- ³⁴ Бородин М. Указ. соч. С. 128; Манштейн. Глава VII. 1742 г.
- ³⁵ Шилевская Н. Указ. соч. С. 166.
- ³⁶ Там же. С. 201–202.
- ³⁷ Бородин М. Указ. соч. С. 157.
- ³⁸ Сб. РИО. Т. 6. С. 446.
- ³⁹ Бородин М. Указ. соч. С. 143.
- ⁴⁰ Там же. С. 191–192.
- ⁴¹ Сб. РИО. Т. 6. С. 453; Сенатский архив. Т. 5. 1892. С. 458.
- ⁴² Там же. Т. 99–1897. С. 57, 59.
- ⁴³ Бородин М. Указ. соч. С. 229.
- ⁴⁴ Сб. РИО. Т. 99. 1897. С. 238.
- ⁴⁵ Там же. С. 247.
- ⁴⁶ Масловский Д.Ф. Материалы к истории военного искусства в России. Вып. 3. Документы Финляндской войны 1743 г. М., 1891. С. 25–33.
- ⁴⁷ Там же. С. 49–51.
- ⁴⁸ См. также: Шилевская Н. Указ. соч. С. 242–244, Манштейн (Глава VIII. 1743 г.) не точен в деталях.
- ⁴⁹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 66–147. Журнал о воинских действиях высокославленной Ее Императорского Величества армии на галерном флоте, под командою генерал-фельдмаршала графа Лессия, противу примирившегося неприятеля шведа году благополучнейшего 1743. - У Манштейна последние даты не совпадают с указанными в журнале.